

Важно, что хотя «горячие точки» по мере эволюции лингвистики меняются, равно как меняются и те области знания, методы и идеи которых привлекаются для обсуждения сложных проблем, все-таки можно кратко охарактеризовать главное в этом процессе: предметом лингвистики постепенно становится не только язык как знаковая система, рассматриваемая независимо от субъектов, ее использующих, но и сами сложнейшие процессы функционирования языка как живой системы, существующей прежде всего в реальном бытии и общении говорящих индивидов.

Чтобы применить к изучению сложной системы какие-либо точные методы, например использовать вероятностный подход, надо вначале предложить математическую модель соответствующей системы. Пусть наши притязания более скромны, и мы изучаем какой-либо небольшой фрагмент языка, но и он в свою очередь скорее окажется сложной системой, и при попытке построить нужную нам математическую модель мы столкнемся все с теми же трудностями. Трудности эти состоят в следующем. Для «сложной системы» характерно то, что протекающие в ней процессы настолько сложно взаимосвязаны, что выделить разумным образом элементарные процессы оказывается достаточно трудным делом¹⁴ — во всяком случае, если не хотеть выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка. Мы можем рассчитывать на успех, если построим эскизную модель такой системы, т. е. модель, которая воспроизводит некоторые аспекты поведения системы, и то в весьма общем виде, или если будем строить математическую модель очень маленького фрагмента изучаемой системы. В последнем случае не исключено, что познавательная ценность модели может оказаться не слишком велика.

В такой ситуации наилучшим для прогресса науки решением будет признание равноправия многих моделей, признание необходимости сравнения и спора моделей. Не следует, однако, забывать, что большей частью такие сравнения плодотворны тогда, когда можно пойти дальше, чем сравнение моделей только на уровне логических предпосылок, т. е. когда можно реализовать эксперимент по их проверке. Заметим, что значительная часть лингвистов не утруждает себя не только экспериментальной проверкой правомочности вероятностного подхода, но даже и отчетливой формулировкой его логических предпосылок. И здесь хотелось бы обратить внимание на одно заблуждение, весьма распространенное, в частности, в работах по лингвистической статистике. Сущность его едва ли можно сформулировать лучше, чем это сделано В. И. Тутубалиным в его работе «Статистическая обработка рядов наблюдений» (М., 1973).

Предлагая математическую модель явления, мы должны, выделив некоторые величины, указать, какие из них детерминированные и какие случайные (в математическом смысле). Достаточно часто встречается подход, при котором если некоторая величина не является детерминированной (т. е. мы не можем заранее точно предсказать ее значения), то считается, что она тем самым может рассматриваться как случайная. Это неверно, поскольку математическая трактовка случайности предполагает не отсутствие закономерностей вообще, а наличие закономерностей определенного типа — вероятностных. Эти закономерности проявляются в наличии статистической устойчивости.

Далее мы цитируем: «Итак, неопределенность не есть, вообще говоря, случайность, или, если угодно, кроме детерминированных и случайных величин бывают еще неопределенные, с которыми неизвестно, что делать. Математическая модель может содержать либо детерминированные, либо случайные величины, либо те и другие вместе, но — при нынешнем состоянии науки — не может содержать неопределенных. Следовательно, искусство выбора математической модели состоит в том, чтобы те неопреде-

¹⁴ Такие системы иногда называют «диффузными» (ср. Н а л и м о в В. В. Теория эксперимента...).